

DOI:

**ПОЭТИКА И СИМВОЛИКА ЧИСЕЛ КАК ОТРАЖЕНИЕ
ЭЛЕМЕНТОВ КУЛЬТУРНОГО КОДА В ОСЕТИНСКОЙ ПОЭЗИИ
К.Л. ХЕТАГУРОВА**

Мамиева Изета Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, отдел фольклора и литературы, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0000-0003-3083-1393>; dzirasga@mail.ru

В статье впервые предметом специального исследования стала числовая символика в произведениях основоположника осетинской литературы Коста Левановича Хетагурова, созданных им на родном языке. Новизна постановки проблемы определяется и полнотой частотной статистики: наряду с прецедентными текстами (сборник «Ирон фæндыр») в научный оборот вводятся материалы свода рукописных и печатных редакций и вариантов (включая неоконченную поэму «Хетаг»). Поэзия мастера слова рассмотрена в статье в широком фольклорно-мифологическом контексте (эпические кадаги о Нартах, пословицы и поговорки и другие источники с числовым компонентом, в котором отложился архаический пласт этнокультуры). Актуальность темы обусловлена важностью осмысления этнокультурного аспекта в числовых обозначениях осетинского классика с позиций согласованности их с базовыми ценностями нации. Цель статьи – выявление и анализ сакральной природы и символических коннотаций чисел, их функций в художественном дискурсе автора. В работе использован метод ассоциативно-семантической интерпретации с применением этнофилологического подхода, предусматривающего комплексное изучение числовых данных, их акцентной маркированности в творчестве писателя. Внимание в аннотируемом труде фокусируется, в частности, на «коррективах», внесенных в литературные обработки фольклорных сюжетов с целью заострения сакральной сути фигурирующих в них чисел («В пастухах» и др.); дана оценка случаям неявного, но значимого присутствия числовой семантики в обрисовке пространственно-временных ориентиров. Сделан вывод о том, что наследие К.Л. Хетагурова, помимо высокой художественной ценности, представляет собой уникальный информационный канал, направленный на активацию восприятия культурного кода и на закрепление национальной идентичности.

Ключевые слова: Коста Хетагуров, осетинская поэзия, числовой символизм, этнопоэтика, культурный код.

Для цитирования: Мамиева И.В. Поэтика и символика чисел как отражение элементов культурного кода в осетинской поэзии К.Л. Хетагурова // KAVKAZ-FORUM. 2025. Вып. 24 (31). С.69-85. DOI:

Введение

Давняя практика обращения литературы и искусства к числовой знаковой системе осознается в наши дни как возможность восстановления историко-культурной памяти. Понятие «культурный код» активно востребовано в самых различных областях науки; его принято относить к базовым дефинициям современной исследовательской парадигмы, гуманитарной в частности. Вместе с тем отмечается отсутствие единого теоретического подхода к толкованию и описанию данного термина, что объясняется его концептуальной многоплановостью и многомерным характером, а также функциональной подвижностью («способностью обрывать новыми смыслами») [1, 189].

В русле ключевых аспектов темы статьи особый интерес представляет для нас общетеоретическая модель культурного кода, предложенная Е.П. Каргополовым, которая состоит из триединства элементов, а именно синтеза «единиц информации, функций (структуры) и энергии сигнала». Под «энергией сигнала» подразумевается заключенный в пластах культуры (архетипах, символах, этнических ценностях и идеалах, нормах и регулятивах поведения и пр.) потенциал отражения [2, 289]. Вне пространства указанного триединства выделяется «четвертый элемент» — «интеллект, сознание, вся когнитивная сфера человека». «Внеположному» звену схемы, называемому «приемником сигналов», отводится важнейшая роль в процессе перевода последних «на язык понимания значений и смыслов» культурной парадигмы [2, 292]. К прозвучавшей оценке мы бы добавили, что оно является одновременно приемником и передатчиком, декодирующим и воссоздающим национальную картину мира.

Исходя из сказанного, следует, что потенциал отражения кодовых сущностей и комбинаций способен индуцировать новые смыслы, если «принимающее сознание» имеет ярко выраженную креативную направленность. Полагают, в этом случае допустимо говорить об индивидуальном культурном коде (Пушкина, Достоевского, например).

Цель нашего исследования – изучение символики чисел в системе культурного кода осетин с позиций особенностей ее восприятия и образного преломления в творческой мастерской К.Л. Хетагурова, а в отдельных ситуациях – и перекодирования традиционной знаковой информации на язык аллегорий и семантических композиций, отвечающих реализации авторской идеи. Поэзия классика рассмотрена в широком фольклорно-мифологическом контексте (эпические кадаги о Нартах, пословицы и поговорки, и другие источники с числовым компонентом, в котором отложился архаический пласт этнокультуры).

Необходимость постановки проблемы в указанном ракурсе диктуется отсутствием специальных работ, ориентированных на анализ и интерпретацию поэтики и сакрального содержания чисел в наследии корифея осетинской литературы. В то же время отмечается возросший интерес к концепту число,

к выявлению его символической природы и когнитивных свойств в мифологии и жанрах фольклора (М.В. Дарчиева, Ю.А. Дзицойты, М.С. Дзедаева, Т.Ю. Тамерьян, Л.Б. Гацалова, Л.К. Парсиева и др.)

Основная часть

1. Число как дешифратор авторских интенций

В лирике Коста Хетагурова мы можем встретить применение числовых номинаций в их прямой функции, то есть как показателей счета. Вместе с тем позволительно заключить, что в обрамлении художественного текста они создают подчас особый язык, придающий им дополнительные коннотации. Это могут быть:

1) временные акценты:

– актуализация мотива благодарной памяти: *«Одного дня достаточно, чтобы вспоминать меня...»* (32)¹;

– формулы «недельного синкретизма» (букв. 'от одного сегодня до следующего сегодня'), отражающие эпический масштаб и длительность праздничного застолья или ожесточенной битвы;

– скоростные свойства мифологического времени: *«Одним взмахом плетки достигнешь моста из одной волосинки»* (118).

2) пространственная антиномия «земля – небо» в контексте человеческих чувств и мироощущения: *«Никто не разлучил бы нас на одной [этой] земле... Но кто из нас противостоял Божьей воле [букв. 'проходил через суд Божий!..']»* (270);

3) нарушенный баланс между сущностной характеристикой предмета (объекта, явления) и степени его оценки: *«У людей не смеет за год Мельница зерна поток, А у нас достатка на год – Лишь один зерна совок»* (41); *«А эти... честного и коварного мерили одной меркой»* (130);

4) негармонирующая связь между количественными уровнями смыслового ряда: *«Пятерых оставил На [попечении] одной матери»* (66); *«Просят одного тощего оленя Девять всадников!..»* (108);

5) трансцендентальная предустановленность событий: *«Голод не знает отсрочки, – Одного обмана ему достаточно!..»* (70).

В приведенных отрывках числа оказываются включенными в ход развития действия, по ним опознаются творческие интенции, имплицитные оттенки высказываемого.

2. Сакральная семантика числа в художественном дискурсе: акценты и коррективы

По мнению древнегреческого философа, математика и мистика Пифагора (VI в. до н. э.), числа – символы мироздания, ключи к принципам соразмерности его устройства. С их помощью в архаичных культурах при возникновении необходимости «репродуцировалась структура космоса и правила ориентации в нем человека» [3, 631, 2 стлб.]. Очевидно, что с помощью нумерологии человек не только метафизически воссоздавал архитектуру макро- и микрокосмоса и законы бытия, но и идентифицировал себя, свое место в нем, образ действия.

Способы концептуализации, согласно единой для всех людей мифоло-

гической системе познания мира, большей частью носят универсальный характер; однако в разных национальных традициях наделены специфичными чертами, которые распространяются и на процессы числового кодирования.

Рассмотрим значимые для уникальной картины мира осетин числа и то, как они отражены в поэзии мастера.

Число 1 эксплицирует у различных этносов понятие «всё» и производные от него – «один Бог, одна Вселенная, одно Солнце, одна Луна, один род, одно племя, т. е. то, что не делится и понимается как единое целое» [4, 534]. Вероятно, этой энергетикой обусловлен тот факт, что *иу* 'один' по суммарным результатам возглавляет в словаре языка писателя общий частотный перечень (122 эпизода). Высокий индекс и у чисел «2» – 19, «3» – 29, «5» – 11 и «7» – 11.

Нумеративные единицы в творчестве Коста Хетагурова дают возможность проследить, как в семантике чисел натурального ряда происходит смешение реального и знакового смыслов; под влиянием контекста они утрачивают свое исходное лексическое значение и наполняются сакральной пульсацией. Наглядное подтверждение тому – литературная сказка «В пастухах» («Лæскъ-дзæрæн»)². На присутствие «загадок-разгадок» в композиции произведения обращали внимание многие ученые (Л.П. Семенов, З.М. Салагаева, Г.И. Кравченко, Н.Г. Джусойты, А.А. Хадарцева и др.). Основной акцент приходился на усилении звучания социальной проблематики, по сути, лежащей на поверхности. Числа как конститутивные элементы сюжета, как двигатели интриги повествования, создающие символический подтекст, остались вне поля зрения данных авторов.

В упомянутом ключе интересно сравнить словесное состязание пастуха и уайга с аналогичным диалогом между бедняком и чертом в народной сказке, записанной со слов Дзиндзола Кочиева [5, 433 – 434]. На первый вопрос о том, что есть единица, бедняк отвечает: «*Иу – мæхицæй хуыздæр нæй*» ('Один – лучше меня нет'). Не станем сопоставлять в мифологическом плане довольно невыразительную фразу с феноменальной реакцией хетагуровского персонажа, отлившейся в чеканные строки. Важно отметить, что в них отразилась философия числа 1, указывающая на Бога как ключевую фигуру мироздания: «*– Один – Бог! С Божьей верой камень подскакивает до неба*» (184). Случайное ли это совпадение (вера в Бога как генератор энергии, задающий камню траекторию полета вверх по вертикали) с этимологией слова *Хуыцау*, которую мифолог Ф.М. Таказов выводит из др.-иран. *hu+tava* 'сила, приводящая в движение' [6, 31]?

Надо заметить, в культурном наследии человечества число 1, помимо идеи единства и божественной совершенной целостности, в определенных контекстах актуализирует сему одиночества. Подобный потенциальный смысл заключен, например, в пословице «*Один – проклятие, два – посвящение покойнику, три – для молитвенного обращения к Богу*» [7, 151], где лексема «один» реализует, на наш взгляд, денотацию отверженности (см. обычай *хъоды*, обрекающий повинного на изоляцию от общества).

У корифея осетинской поэзии «1» тоже становится эмблемой одиночества: социальной обездоленности («*Сгинуть тебе, одинокому, коего во всем мире ни один не привечал!*»; «Кубады», 72) или беззащитности, блуждающей в

водовороте жизни молодежи («*Пропасть тебе, воистину, пропасть... – Ни одного нет у тебя защитника!*»; «Без пастуха», 54).

Число 2 в мировой культуре есть символ дуализма и противоположностей (свет – тьма, добро – зло, жизнь – смерть, мужское – женское), но также профилирует понятие пары и объединения. В упомянутой выше стихотворной сказке показано второе свойство: «Ну, а два? Что значит – пара?... – Стережет пастух отару Парой черных глаз» (*здесь и далее пер. Б. Иринина*). Момент «дуального выбора» присутствует в семантике «дара» герою («Хетаг», 267): «Так выбирай же из двух дочерей моих Ту, на которую сердце укажет!» (*здесь и далее пер. А. Корчагина*). Негативный посыл связан с повторным браком отца и ролью мачехи в судьбе сироты («Кто ты?», 87).

В текстах автора проявились и мистические периоды межвременья. Согласно народным верованиям, лиминальный сегмент в сутках соотносится, в частности, с двумя часами пополуночи, многократно употребленными в вариантах поэмы «Хетаг»: «В два часа пополуночи посох Уасджиорджи³ достиг середины неба» (379, 418, 425 и др.). Именно в эту пору завершается обычно свадебное или пиршественное веселье, по настоянию старших прекращаются танцы, и все расходятся по домам.

Архетипический нерв **числа 3** у осетин составляет представление о троичной структуре мироустройства. В этническом сознании оно прочно осело в афористических жанрах («*Нарты три унаследовали как норму: в жизненных установках, в трудовых буднях и также в застолье*»; «*Тремя [пирогам] Богу молятся*»⁴ [7, 151], «*Три свечи, три пирога, три святилища Богом даны*» [8, 111]), имеет соответствующие корреляты в эпосе: три нартских рода; три шага Бога и три слезы, уроненные им на мертвого Батрадза; новогодний ритуальный *æртхурон* 'особый пирог, приготавливаемый в честь божества огня и Солнца' (В.И. Абаев), три пирога и три ребра жертвенного животного; трехгранные стрелы у наших далеких предков и мн. др. Примечательно, что в вариантах народной сказки, послужившей сюжетной основой хетагуровского «В пастухах», тройка становится носителем информации об Оси мира и трехчастном строении Вселенной («*Трехгранная стрела и в подземелье входит, и небес достигает*» [5, 433]). Что касается семантических характеристик остальных чисел, то они все ограничены рамками сугубо хозяйственного значения и звучания.

Из широчайшего спектра сакральных смыслов числа «три» в языке поэзии Коста Хетагурова нашли отражение ситуация «на перекрестке трех дорог» и образы трех чудесных коней покровителя путников («На кладбище»). (Напомним, что конь рассматривается в современных исследованиях как зооморфное олицетворение Солнца | Уастырджи; в произведении присутствие трех коней, полагаем, выражает идею прохождения через все три сферы мироздания.)

Формула благодатных свойств фынга-треножника, репрезентируемого в этномифологии как модель мироустройства («сочетание двух геометрических фигур – круга и треугольника») [9, 113], выведена автором в сказке «В пастухах»: «*Фынг-треножник усталость гостя [с дороги] снимает, Утишает скорбь человека в трауре*» (184).

О высоком семиотическом статусе очага и надочажной цепи свидетельствовали видные деятели осетинской культуры еще во второй половине XIX в. (С. Кокиев и др.). В «Хетаге» изображен свадебный обряд прощания невесты с родным очагом. Шафер Годжи, перед тем как забрать Чабахан из отцовского дома, обводит ее три раза вокруг очага, всякий раз ударяя шашкой висящую над ним цепь. Охранительная функция указанного действия, показывающего корреляцию эмблематики числа и пространства-времени, трактуется в контексте способных навредить невесте деструктурированных моментов обрядового перехода [10, 167]. Число 3 используется в поэме применительно и к персонажной символике: парные образы грешных и праведных судей с соответствующими оценочными критериями («На кладбище»), трое сватов с провальной миссией («Кто ты?»), трое пастухов у костра, сзывающих своим пением всех на свадьбу Чабахан и Хетага. И, наконец, три сына Инала – слагаемые славы и удачи, герои-победители, отстаивавшие независимость родной земли («...Бились три брата – три молнии грозные, В бой за собою других увлекая» (255); при этом, как и в фольклорных жанрах, младший брат Хетаг превосходит всех мужеством, силой и храбростью. Еще один вид реализации знаковой природы числа (ментальным нормам поведения горцев в известной мере не отвечающий) – троекратное кружение в объятьях как невербальный язык дружбы в одной ситуации, уважения и расположения к людям почтенного возраста (включая отца невесты!) – в другой.

«Четверка» в мировой культуре является символом статистической целостности мироздания, с ним соотносится горизонтальное освоение окружающего пространства и ориентация в нем: четыре стороны света, четыре главных направления, суточное и годовое течение времени. Геометрическим соответствием ему служит квадрат, правильный четырехугольник, с которым корреспондирует и проектирование земных объектов (иллюстративный пример – строительство Общенартовского дома в эпосе). С этой точки зрения достойно внимания описание в поэме «Хетаг» Нарской котловины, представляющей собой надежно укрепленную в своих природных рубежах землю, «жители ее – под защитой небес» [11, 180]. Имплицитно выраженные свойства **числа 4** (структурирование по сторонам света) интенсифицируют восприятие отчего края как горизонтальной парадигмы космобытия; они участвуют также в изображении хронотопических связей: «...через четыре дня достигли Нарского ущелья», «за четыре часа ходу поднялись к Мамисонскому перевалу» и т. п.

Малые жанры устного творчества называют «готовыми универсальными матрицами», аккумулировавшими опыт постижения и толкования реалий человеческой жизни. Думается, числовая символика наиболее ярко и образно отразилась в загадках ввиду их иносказательной аллегорической формы. Коста Хетагуров в сказке «В пастухах» использовал отгадки с нумеративами «четыре» и «пять». В первом случае фольклорный и авторский тексты паремически эквивалентны: в них говорится о временах года. Поэт внес в персонажную сферу небольшие коррективы (четырех братьев, плоды труда которых «стекают в одно место» [12, 316], заменил «сынами Года») и тем самым блестяще увязал тему сезонных ритмов с этикетными нормами патриархальной

семьи, где сыновья, выказывая заботу и почтение своему родителю, берут на себя все его трудовые хлопоты (185).

Число 5, в отличие от народной отгадки – «пальцы на руке», знаменует у Хетагурова пять органов чувств («пять сынов»), помогающих человеку избежать потенциальной угрозы, безопасно ориентироваться в окружающей среде. В басенно-притчевых сюжетах же, в силу их жанровой специфики, круг ассоциаций к числу 5 – скорее, игра смыслов: библейская аллюзия на испеченные нерадивой хозяйкой пять хлебов («Муж и жена»); обвязанное пятью жгутами говяжье сало как мотивационный фактор кошачьего двуличия («Постник») и пр.

Символика **числа 6** в разных культурах разнообразна и амбивалентна. Ряд математических совпадений позволили считать его «совершенным» как сумму ($1+2+3$) и произведение ($1\times 2\times 3$) первых трех чисел. В национальной традиции осетин в целом каких-либо весомых проявлений этой цифры нами не зафиксировано; определенный негатив содержится, пожалуй, лишь в метафорическом высказывании: «*Пять жен [в дом] привел, а на шестой обжегся*» [13, 164]. Между тем в русле настоящей темы интерес вызывают характерные для числа представления о союзе и равновесии, в особенности, тот факт, что оно позиционируется уаигом как особо важное («*шесть – начало всех моих слов*»). А ответ батрака («*Шесть раз я хотел произвести раздел скота, – Ты не дал согласия*») удивительно точно ложится в рамки идеи равенства в спектральном рисунке семиотики числа «6», акцентирующей необходимость соблюдения сочувствия, честности и справедливости в договорных отношениях.

Вместе с тем «6» в контексте Священного Писания означает совершенство миротворения, но и окончание процесса, эксплицирующее тему испытания и трудоемкой задачи [14, 578]. В поэме «Хетаг» присутствие этой добавочной коннотации угадывается в сведениях о времени обучения легендарного пра-родителя автора в Крыму, о высоком качестве и полноте полученных им знаний: «*Шесть лет я там пробыл ... и сколько ни было книг, все прочел и выучил латинский и греческий языки*» (368).

Число 7 в сознании древних сформировалось путем суммирования двух нумеративных величин: тройки как символа «динамической целостности» и четверки как «образа статической целостности» [3, 630, 2 стлб.]. С ним соотносится общая идея вселенной, константа всего и вся, отложившаяся в различных жанрах народной мудрости, осетинская – не исключение. Перечислим отдельные его референции:

- исходная модальность («*Семь является числом фарна*» [8, 25]);
- идея завершенной совокупности: (ангелов и духов-покровителей – «*семь раз по семь*» [7, 120; 12, 146]; семеро сыновей у Уастырджи и Уацилла; семь дней в неделе [«*авды сæр*» ‘понедельник’, букв. ‘начало семи’]; семицветная [«*авднивон*»] радуга; физиологическая аномалия у хтонических существ [«семиголовый великан»] и пр.;
- ступень инициации («*Доблестный от рождения к семи годам становится мужчиной*» [12, 83]);
- семантика слова «*авдæн*» ‘колыбель’ (букв. ‘для семи [младенцев]’), фарн которой больше, чем число «семь» [8, 25];

– пространственные параметры: бинарные локативные противопоставления (семь небес – семь подземелий); эпические конструкции башни («семиярусная»), заповедного предмета («Уацамонга нартов имела семь ярусов» [7, 116]); сказочные мотивы запрета («не открывай дверь седьмой комнаты»); предельная степень удаленности («перейти семь ущелий | семь горных вершин» [7, 100]) и пр.;

– и просто лексические приметы изобилия («блюда семи видов»; «благодарить | изобилие – семью семикратно»), выносливости («семижильный»), магических превращений («стал в семь раз лучше | краше»; о нартовском патриархе Урузмаге: «семь раз, молвят, состарился и семь раз омолодился» [7, 326]); таланта как дара божьего: «Соловей славная птица – на семи языках песни поет» [7, 303] и мн. др.

На основе вышеозначенного можно заключить, что семеричность в осетинской этноязыковой традиции, пожалуй, наиболее распространенная культурная универсалия; ею семантизируются практически все явления национальной жизни, имеющие корреляционную связь со структурой мифопоэтического космоса.

Не удивительно, что в произведениях Коста Хетагурова сакральные смыслы этого числа получают разнообразное воплощение. Вполне прогнозируемо оно встречается там, где центральной фигурой представлен покровитель нехищных зверей Всати: семеро юношей (в черновом варианте – 5) прислуживают небожителю, отгоняя от него мух; другие семеро готовят ему завтрак; семеро охотников-бедняков (в черновом варианте – 5) вдохновенно возносят ему хвалебную песнь-славословие с просьбой одарить их добычей. В поэме «На кладбище» есть также упоминание о «семи золотых дверях», ведущих во владения Бараистра, повелителя Царства мертвых. А вот так «В пастухах» в контексте характеристики нарта Урузмага⁵ показаны пространственные бинарные оппозиции: «Когда за семью горами бекасы косят сено, когда под семью подземельями оводы жуют жвачку, людям о том рассказывает этот человек» (190).

Финальную сцену блистательно выстроенного словесно-числового марфаона предваряет ироническая оценка батраком великана о семи головах, профилирующая его умственную окаменелость («умом – скала») [15, 78]. Что касается окаменения в прямом смысле, то в статье А.Б. Бритаевой, посвященной функциональной роли загадок и небылиц как жанрообразующего фактора, особо подчеркивается авторский акцент в интерпретации классического мотива. В мировой культуре связанный с местью богов «за дерзость человека, посмевшего посягнуть на раскрытие каких-то тайн, с наказанием за клятвопреступление, кровосмесительство и т. д.», у осетинского писателя он соотносится с завуалированной силой слова [16, 61]. Любопытно сравнить с творческой находкой мастера рациональность подхода к проблеме в народной сказке с аналогичной сюжетной конструкцией: магией заклинания бедняка его оппонент в словесном споре превращается в незнающее износа сосновое поле с всажженным в него стальным топором для строгания лучины» [5, 434].

Число 8 для мифологической традиции осетин менее типично. О его невысоком сакральном статусе можно судить по высказыванию: «Восьмерке девятка не чета, – не пара они» [7, 151].

Из наиболее значимого:

- на восемь частей разрезаются три ритуальных пирога (по предположению Ш.Ф. Джикаева, это культовое действие могло указывать на восьмиугольное строение мира [17, 176] (четыре стороны света + четыре промежуточных направления?);

- эпическая формула «в течение недели» (букв. 'от восьми до восьми');

- предание о конце «золотого века», когда дух-покровитель снега Бонварнон, заключенный богиней-матерью Гурдзухан в восьмой из вложенных друг в друга сундуков, был выпущен на волю нарушившей запрет прислугой [18, 30 – 32];

- на расстоянии восьми перевалов от Нарты расположена страна Гумского Кобора; от страха перед ним «птица не смеет летать» [19, т. 2, 70].

В стихотворной сказке «В пастухах» комментарий к числу 8 иллюстрирует решение батрака расстаться с тираном-наймодателем: *«Восемь лет присматривал за твоим скотом, теперь бери их, – на здоровье!»* (186).

Вероятно, в данном эпизоде вербальной дуэли поэт как «человек двух культур» следовал христианской традиции, в которой восьмерка (в отличие от античности, где она считалась «числом сугубой недостаточности») означает регенерацию (графически идея духовного обновления выражена, например, в восьмигранной конфигурации купели для крещения). В фокусе темы регенерации «8» в анализируемом тексте имплицитно, с нашей точки зрения, надежду начать все сначала.

Число 9 как сочетание трех триад, воспроизводящее сложный единый образ вселенной, во многих этнических культурах транслирует также идею завершения определенных интервалов времени. В этом плане условное пересечение героем Хетагурова морской поверхности («В пастухах») можно трактовать как аналог путешествия в иной мир. Наряду с этим ожидание позитивных перемен, прогнозируемое символикой «восьмерки», в зоне «девятки» уступает место предвидению финала прежней жизни и ее перехода в новое качество: *«Стал бедняк дышать свободней, Все теперь его»* (191).

Напомним, что 9 в ряду простых чисел значится последним и рассматривался древними как его предел. Надо полагать, и цифровая часть словесного поединка в этом произведении заканчивается на нем не случайно: уаиг требует озвучить «разгадку девяти», пастух отговаривается тем, что «на девятом» отсутствовал, пришла ему охота постранствовать в ту пору.

Далее двигателем сюжета становятся небылицы. Перелет через море в страну Терк-Турк... верхом на хромоногом оводе, прочие феерично-фантазийные, мгновенно сменяющие друг друга несуразницы создают динамичное сцепление звеньев сказочного повествования. Об одном из них с числовым компонентом семь, отразившем структурные элементы мироустройства, мы упоминали выше. Другое звено, маркируемое девяткой, является интенсификатором образцовости строения в масштабах микрокосма (гиперболизация роста и сложения эпического героя как способ его возвышения): «На ноге его сойдутся Девять петухов (в черновом варианте – 7 ослов; в устных версиях – один петух), И тогда ему их пенье Не тревожит слух» (189).

Исследователи замечают, что в ряде традиций «9» как воплощение пол-

ноты и совершенства соперничает с семеркой. Подтверждение сказанному находим как в фольклорных текстах, так и в поэме «Хетаг». В формульной конструкции благопожелания показательное для продолжения рода число **7** («Семь мальчиков и одну девочку [чтобы родила!]»), заменено «девятью»: *«Слава богам!.. Но ведь внук – это мало нам; Девять внучат не пошлют ли нам богу?..»* (277).

С введением десятичной системы счета в нумеративной семиотике происходит смещение статусных аспектов: образованная из 9 (критерий полноты) +1 (маркер всецелостности, неделимости бытия) десятка стала определяться у пифагорейцев как высшая ступень выражения Абсолюта, была признана универсальным кодом мироздания ($1+2+3+4=10$). В паремиологии осетин концепция совершенства «десяти» конкретизируется на уровне ценностных характеристик человека: *«Кто знает десять языков, тот живет десятью умами», «Вместо 10-ти червонцев – 10 друзей», «Десять раз кто обманут был, того уже не обманешь»* [13, 59].

В поэме «Хетаг» **«10»** коррелирует с историей родословной автора. И хотя он открыто не касается знаковой роли десятки, не исключаем, что язык чисел был доступен ему интуитивно. Уместно вспомнить в связи с этим высказанное Освальдом Шпенглером убеждение в том, что символика чисел как проявление специфического мировосприятия народа самоочевидно и не требует в той или иной культуре специального аргументирования [20, 201-247]. Когда поэт не без гордости относит себя к десятому поколению «от Хетага», им, несомненно, движет инспирированная семиотикой указанного числа идея духовно-личностной самоидентификации. Семантика акцентного выделения заметна и на вехах пути переселенцев в «обетованную землю»: *«Заночевали на горе Бештау. В то время там водилось много оленей, убили десять из них»; «На десятый день вышли к реке Малке»* (426); и т. п.

Число 12 (3х4) в восточной традиции двенадцатеричного счета, как и десятка в греческой, значилось универсальным; оно символизировало полноту, космический порядок и цикличность времен [14, 579]. У осетин высокий статус «двенадцати» подтверждается выражениями: *«Отец счисления – двенадцать»* [7, 151]; «Нартам “три” и “двенадцать” были даны от Бога» [8, 222]. Авторитетность «двенадцати» в речевой культуре народа свидетельствуется также множеством предметных и иных референций, особое место среди них занимает *двенадцатиструнная арфа* Сырдона, которую допустимо атрибутировать как «генетическую матрицу нартовского мира». Симптоматичен и «свернутый сакральный текст» закровов Шатаны, спасшей нартов от голодной смерти (мифологема 12-ти кладовых и ритуальных приношений).

В осетиноязычном литературном наследии классика число 12 малочастотное, встречается лишь в неоконченной поэме «Хетаг» в отношении кавалькады всадников-джигитов вокруг будущего тестя героя и в обрисовке ближних наперсников его самого. Как нам представляется, во втором случае на фольклорный образ «двенадцати спутников» наслоилась отсылка к евангельскому мотиву (беседа Христа с апостолами).

У многих народов мира 13 считается несчастливым числом, тому есть несколько объяснений; в превышении совершенного числа двенадцать на еди-

ницу (12+1) видели, в частности, угрозу внесения хаоса и беспорядка, катастрофической дисгармонии в структурную стабильность мироустройства. В Древнем Египте 13 знаменовало смерть и начало нового рождения [14, 579]. В христианстве это – символ предательства и смерти: тринадцатым среди учеников Иисуса на Тайной вечере был Иуда Искарот, обрекший Его на распятие; и т.п.

Аналогичный ассоциативный ряд выстраивается в эпосе осетин, где 13

- число коварства и обмана (Созырыко с 13 спутниками снаряжается в поход, чтобы ограбить и убить своего усыновителя, Гумского Кобора; тринадцатый участник – Сырдон прилюдно насмехается впоследствии над самим незадачливым нартом [19, т. 2, 65 – 74]);

- гнева и враждебности: 13 лет длилась усобица между двумя кланами в Нарте, пока не был убит последний (на тот момент) представитель конфликтующего с Бората рода [19, т. 5, 333];

- способ косвенной характеристики персонажа: доблестный нарт Хамыц убил тринадцать зверей, «маленький» Гумской охотник – тридцать [19, т. 3, 18]; Сырдонова сука и ее 12 щенков ежедневно крадут у нартов по 13 голов живности для своего хозяина [19, т. 4, 165 – 166].

В осетинской поэзии К.Л. Хетагурова **число 13** отсутствует.

О наличии у писателя цифровых маркеров, указывающих на этапы инициации (**10, 15** лет), мы упоминали в одной из своих статей [11, 177]. Здесь можно добавить, что индикатором перехода в новую возрастную стадию опосредованно служит повышение пастушку оплаты труда: «*по десять мерок платили зерном*» («Кто ты?»). Гипотетически предположим, что мотив инициации неявно присутствует и в «Кубады»: факт недостачи *пятнадцати овец* становится для бездомного сироты импульсом к обретению нового социального статуса. Своего рода предметную инициацию претерпевает даже старинная дедовская кремневка, около 15-ти лет ржавевшая на стене сакли, а затем уложившая хищника с одного выстрела и без заряда («Привычка»).

Х. Керлот позиционирует числа в символизме как выражение «идеи-силы», где у каждой – свой особый характер; первый ряд чисел: 1 – 10 (или 1 – 12 в двенадцатеричном счислении) – это «сущности, архетипы», остальные образуются из их разных сочетаний [14, 574].

У Хетагурова из производных чисел чаще встречаются **20** (*ссæдз*) и **100** (в двух системах счета – *сæдæ*; *фондзыссæдз*). Двадцатка объективирует позитивные коннотации: герой поэмы «Кто ты?» «*до двадцати лет из года в год ходил в батраках*», закалившись в невзгодах, стал искусным умельцем во всяком деле; в свадебной процессии Хетага задействованы 20 ароб (*варианты* – 25, 30); в молитвенных проводах переселенцев фигурируют наполненные пивом 20 турьих рогов и пр. Сотня, напротив, генерирует как положительные («*Ста жизням жизнь твоя равна*»; «Привет»), так и отрицательные послылы: «*сотни лет промаялись вместе*» («На кладбище»).

Большие числа (**80, 100, 200**) в основном применяются для обозначения масштабов свадьбы и пиров, количества гостей, всадников, сопровождающих горскую знать, и в целом не несут какой-либо заметной символической нагрузки. Но в структуре художественного текста их вескость бесспорна: как «индекс чрезвычайно большого множества» (А.Т. Хроленко), они интенсифи-

цируют проявления коллективных настроений, эмоциональную экспрессивность реакций: «Все, что говорил Годжи, сказано нашим братом! – вскричали сотни голосов» (422); «...разреши нам, Солтан, устроить во дворе твоей усадьбы грандиозные танцы», – ответили ему хором две сотни голосов» (413); ярче оттеняют нормы гостевого этикета: «Пока Хетаг жив, до тех пор, – проживи мы хоть сотню лет, – никто не посмеет сказать в твой адрес дурного слова» (436); фокусируют читательское внимание на этнически окрашенных эпизодах: «...восемьдесят всадников, паля из ружей, рванулись за свадебной процессией. Заняв край моста, не дают невесте пройти. Много пороха потратили, пока не получили выкуп» (420).

Числовой ряд в рассматриваемой поэзии мэтра замыкают разово употребленные **1000** и **50000**, идентифицирующие численность войска, – грузинского под командованием князя Чавчавадзе, и Хетага, собранного им за месяц со всех ущелий Осетии. Соотношение 1:50 здесь – интенсификатор превосходства ратной доблести, авторитета и организационных способностей военного лидера из Нара: «Это чудо, Хетаг, чудо! За месяц собрать столько войска... Наш царь Вахтанг столько и во сне не видал» (436).

В свете приведенных примеров мы можем утверждать, что прямое назначение чисел как счетных единиц зачастую сменяется у писателя продуцированием специфичных глубинных смыслов, способствующих реконструкции в культурной памяти народа их сакральной энергии, активации интереса к духовным константам национального сознания.

На базе системного анализа нумеративных данных в поэзии Коста Хетагурова нами предпринята попытка структурирования их по типам контекстуальной опосредованности:

1) аспект архитектоники: состав и распределение ключевых эпизодов, их взаимозависимость находятся в прямой связи с эмблематикой чисел, неких шифровальщиков концептуальных доминант произведения и также идентификаторов функциональной эффективности композиции. Пример: стихотворная сказка «В пастухах», где лейтмотив числа буквально пронизывает всю сюжетную канву. Заслуживают внимания следы «корректировки» легших в ее основу фольклорных текстов; они были предприняты автором для акцентирования сакральной сути чисел, которая в народных версиях большей частью оказалась размыта;

2) числа как инсталляторы контакта с различными кодами в сетке координат традиционной культуры. Примеры: пересечение космогонических маркеров (Ось мира) с теомофным кодом («Иу – Хуыцау!»), зооморфным («три золотых авсурга Уастырджи»), темпоральным (4 времени года), локативным («за семью горами, за семью подземельями»; сопряжение мифологического времени Нартов с реальным локусом Нар в зоне неназванного числа четыре), акциональным (обряд прощания невесты с домашним очагом), предметным (ритуальный стол-треножник), фетишным (мистический выстрел из ружья, ржавевшего на стене 15 лет) и пр.;

3) числа как интеграторы элементов национального видения мира и иных религиозно-духовных практик (христианская символика обновления, пять хлебов, беседы Хетага с 12 сподвижниками и пр.).

Заключение

Поэтика осетинских текстов К.Л. Хетагурова рассмотрена в диапазоне действия культурного кода, в котором числа присутствуют в качестве знаковых систем, идентифицирующих особенности бытия этноса как уникальной и самородной целостности. Следует помнить, однако, что архетипический пласт числовой символики в воззрениях народов мира обнаруживает некие константные черты, дающие право говорить о них как общечеловеческих универсалиях. Сказанным определяется фокусированное («точечное») обращение в статье к контексту числовых кодов разных этнокультур, продиктованное необходимостью возможно полного и всестороннего изучения образно-эстетической составляющей поэзии Коста Хетагурова, в основе которой – числа трансцендентного уровня.

Наблюдения над нумеративными номинациями показали, что, помимо счетных функций, они имеют ярко выраженные коннотативные оттенки, могут генерировать дополнительные ассоциации, несущие информацию о национальных мифологемах. В то же время на типичных для осетинской нумерологии смыслах лежит печать неповторимой индивидуальности писателя. В одном случае, числительные, как бы отойдя от свойственных им критериев количества, выступают как интенсификаторы авторских идей («*иу ма уæ фезмæлæд...*», «*фондзæй – иу ныййарæггæн*» и пр.); в других – натуральными числами первого десятка (1-10) создается сакральный план повествования. Что касается единичных фактов использования больших чисел, как правило, здесь преобладают оценочные характеристики, более связанные со статистическими данными, нежели с причастностью к космическому порядку. Тем не менее, их знаковая суть вполне доступна для «регенерации», и это – благодаря многократным повторам в тех или иных текстовых фрагментах.

В настоящей работе мы исходили из сложившегося в науке представления о полисемантизации числового символизма, объясняемой временными наслоениями на нумеративные образы и их прочтения. Несводимость числа к какому-либо одному значению, равно как осязаемое различие в принципах его реализации и вариантах употребления, раскрыта на примере поэтических нарративов с компонентами три и семь, лидирующими в космогонической иерархии культурной парадигмы осетин. Выдвинуты гипотетические трактовки семантики чисел шесть и восемь (к слову сказать, остающихся вне рамок внимания фольклористов-осетиноведов). Предложена классификация числовых значений по типам функционирования в художественном тексте.

Резюмируем сказанное. Этнокультурный аспект нумеративных показателей в поэзии К.Л. Хетагурова позволяет идентифицировать их как конструктивные звенья национальной картины мира. В составе литературного произведения числовые образы – лишь часть художественного целого, но, как следует из проведенного анализа, они являются инструментом масштабного восприятия авторского замысла, обнаружения новых граней его прочтения.

Примечания:

1. Цитаты из произведений К.Л. Хетагурова приводятся по изданию: К.Л. Хетагуров. Полное собрание сочинений в 5-ти т. Т. 1. Владикавказ: Республиканское издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева, 1999. Страницы указаны в круглых скобках. При отсутствии поэтических переложений текстов на русский язык или неточного соответствия их оригиналу курсивом дан подстрочный перевод автора статьи.

2. Лæскъдзæрæн – *ист.* Пребывание в пастухах на условиях оплаты труда долей приплода скота.

3. «Посох Уасджиорджи» в рукописных вариантах поэмы «Хетаг» предположительно – название созвездия Ориона.

4. В очевидной необходимости обладания экстралингвистическими знаниями (смысловыми универсалиями) при интерпретации числового культурного кода осетин убеждает наличие в исследовательской практике искаженных переводов («Трое Богу молятся»; «Для обращения к Богу у них было три лепешки и **рог** быка» и пр.).

5. Следует заметить, что в поэзии Хетагурова, как и в паремиологии, отсылки к именам нартских героев (Урузмаг, Шатана, Сырдон) и сакрализованных лиц древнего пантеона осетин апеллируют к культурным возможностям этнического кода.

1. Изотова Н.Н. Культурный код как объект исследования социально-гуманитарных наук // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10. № 3А. С. 185 – 191.

2. Каргаполов Е.П. Общая теория культурных кодов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. №3-1 (102). С. 289–296.

3. Топоров В.Н. Числа // Мифы народов мира: энциклопедия. В 2-х т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 629 – 631.

4. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / авт.-сост. В. Андреева и др. М.: Локид-Миф, 1999. 556 с.

5. Юго-Осетинский фольклор [Хуссар Ирыстоны фольклор]. Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1936. 612 с. (на осет. яз.).

6. Таказов Ф.М. Архетипы модели мира в мифо-фольклорной традиции осетин: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Владикавказ, 2020. 58 с.

7. Осетинские пословицы и поговорки [Ирон æмбисæндтæ]. Орджоникидзе: Ир, 1976. 352 с. (на осет. яз.).

8. Казиев М. Осетинский клад [Ирон хæзна]: пословицы. Цхинвал: Цыкура; Владикавказ: Орион, 2013. 352 с. (на осет. яз.).

9. Уарзиати В.С. Праздничный мир осетин. Владикавказ: СОИГСИ, 1995. 232 с.

10. Абаева Ф.О. Обрядовый свадебный текст осетин. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2013. 251 с.

11. Мамиева И.В. Образно-смысловое поле диады «пространство-время»

в осетинской поэзии К.Л. Хетагурова // Вестник филологических наук. 2024. Т. 4. № 12. С. 175–183.

12. Осетинские (дигорские) народные изречения [Дигорон адæмон уадзæндзурдтæ]. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева, 2011. 376 с. (на осет. яз.).

13. Пословицы и поговорки [æмбесæндтæ]. Орджоникидзе: Ир, 1977. 190 с. (на осет. яз.).

14. Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: «REFL-book», 1994. 608 с.

15. Мамиева И.В. Концепты умственной сферы в творчестве К. Л. Хетагурова // Вестник КИГИ РАН. 2017. Т. 10. № 1 (29). С. 75–83. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-29-1-75-83

16. Бритаева А.Б. Роль и функции жанров загадок и небылиц в художественной структуре сказки // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 22. № 53. С. 59–62.

17. Джикаев Ш. Древний быт и мировоззрение осетинского народа. Миф. Фольклор. Обычай [Рагон ирон цард æмæ адæмы зондахаст. Миф. Фольклор. Æгъдау]. Владикавказ: СОГУ, 2009. 264 с. (на осет. яз.).

18. Осетинские предания [Ирон таурæгътæ]. Орджоникидзе: Ир, 1989. 498 с. (на осет. яз.).

19. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа [Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос]. В 7 т. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева; ИПЦ СОИГСИ, 2003 – 2011. (на осет. яз.).

20. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2-х т. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. 663 с.

Статья поступила в редакцию 30.10.2025,
принята к публикации 28.11.2025,
опубликована 25.12.2025.

Mamieva, Izeta V. – Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher, Department of Ossetian Literature and Folklore, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0003-3083-1393>; dzirasga@mail.ru

THE POETICS AND SYMBOLISM OF NUMBERS AS A REFLECTION OF CULTURAL CODE ELEMENTS IN OSSETIAN POETRY OF K.L. KHETAGUROV.

Keywords: *Kosta Khetagurov, Ossetian poetry, numerical symbols, ethnopoetics, cultural code.*

The article is the first to examine the numerical symbolism in the works of the founder of Ossetian literature Kosta Levanovich Khetagurov, which he created in his native language. The novelty of the problem statement is also determined by the completeness of the frequency statistics: along with precedent texts (the collection "Ossetian Lyre"), materials from a collection of handwritten and printed editions and variants (including the unfinished poem "Khetag") are introduced into scientific circulation. The poetry of the master of words is examined in the

article in a broad folklore and mythological context (epic kadags about the Narts, proverbs and sayings, and other sources with a numerical component, in which the archaic layer of ethnoculture is deposited). The relevance of the topic is determined by the importance of understanding the ethnocultural aspect in the poet's numerical designations from the standpoint of their consistency with the basic values of the nation. The purpose of this article is to identify and analyze the sacred nature and symbolic connotations of numbers and their functions in the author's artistic discourse. The study utilizes an associative-semantic interpretation method, applying an ethnophilological approach that involves a comprehensive study of numerical data and their accentual markings in the writer's work. The annotated work focuses, in particular, on the «corrections» introduced into literary adaptations of folklore plots with the aim of sharpening the sacred essence of the numbers appearing in them («In the Shepherds» and others); an assessment is given of cases of the implicit, but significant presence of numerical semantics in the description of spatio-temporal landmarks. It is concluded that the legacy of K. L. Khetagurov, in addition to its high artistic value, represents a unique information channel aimed at activating the perception of the cultural code and strengthening national identity.

For citation: Mamieva, I.V. *The Poetics and Symbolism of Numbers as a Reflection of Cultural Code Elements in Ossetian Poetry of K. L. Khetagurov*. KAVKAZ-FORUM. 2025, iss. 24 (31), pp. 69-85 (In Russian). DOI:

REFERENCES

1. Izotova, N.N. *Kul'turnyi kod kak ob'ekt issledovaniya sotsial'no-gumanitarnykh nauk* [Cultural Code as an Object of Research in Social Sciences and Humanities]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and civilization]. 2020, vol.10, no. 3A, pp. 185 – 191.
2. Kargapolov, E.P. *Obshchaya teoriya kul'turnykh kodov* [General Theory of Cultural Codes]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2025, no. 3-1(102), pp. 289–296.
3. Toporov, V.N. *Chisla* [Numbers]. *Mify narodov mira. Ehntsiklopediya. V 2-kh t.* [Myths of the peoples of the world. An Encyclopedia. In 2 vols]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury, 2004. 818 p.
4. Andreeva, V. (comp. by et al.) *Ehntsiklopediya simvolov, znakov, ehmbles* [Encyclopedia of Symbols, Signs, and Emblems.]. Moscow, Lokid-Mif, 1999. 556 p.
5. *Yugo-Osetinskii fol'klor* [Folklore of South Ossetia]. Stalinir, Gosizdat Yugo-Osetii, 1936. 612 p. (in Ossetian).
6. Takazov, F.M. *Arkhetipy modeli mira v mifo-fol'klornoj traditsii osetin* [Archetypes of the World Model in the Mythological and Folklore Tradition of the Ossetians]. Thesis abstract of a doctoral dissertation (in Philology). Vladikavkaz, 2020. 58 p.
7. Gutiev, K.Ts. (comp.) *Osetinskie poslovitsy i pogovorki* [Ossetian Proverbs and Sayings]. Ordzhonikidze, Ir, 1976. 352 p. (in Ossetian).
8. Kaziev, M. *Osetinskii klad* [Ossetian Treasure]. Proverbs. Chinval, Cykura – Vladikavkaz, Orion. 2013. 352 p. (in Ossetian).

9. Uarziati, V.S. *Prazdnichnyi mir osetin* [The festive world of Ossetians]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 1995. 232 p.
10. Abaeva, F.O. *Obryadovyi svadebnyi tekst osetin* [Ritual Wedding Text of the Ossetians]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2013. 251 p.
11. Mamieva, I.V. *Obrazno-smyslovoe pole diady «prostranstvo-vremya» v osetinskoj poezii K.L. Khetagurova* [The figurative and semantic Field of the Dyad "Space-Time" in K.L. Khetagurov's ossetian Poetry]. *Vestnik filologicheskikh nauk* [Philological Sciences Bulletin]. 2024, vol. 4, no. 12, pp. 175–183.
12. *Osetinskie (digorskie) narodnye izrecheniya* [Digorian folk sayings]. Vladikavkaz, Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie imeni V. Gassieva, 2011. 376 p. (in Ossetian).
13. *Poslovitsy i pogovorki* [Ossetian Proverbs and Sayings]. Ordzhonikidze, Ir, 1977. 190 p. (in Ossetian).
14. Cirlot, J.E. *Slovar' simvolov* [A Dictionary of Symbols]. Moscow, REFL-book, 1994. 608 p.
15. Mamieva, I.V. *Kontsepty umstvennoi sfery v tvorchestve K.L. Khetagurova* [Concepts of the mental Sphere in K. L. Khetagurov's Works]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanii RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities Research]. 2017, vol. 10, no. 1 (29), pp. 75–83. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-29-1-75-83
16. Britaeva, A.F. *Rol' i funktsii zhanrov zagadok i nebylits v khudozhestvennoi strukture skazki* [Role and Functions of Genres of Riddles and Tales in the belles-lettres Structure of a Fairy-Tale]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. 2007, vol. 22, no. 53, pp. 59 – 62.
17. Dzhikaev, Sh.F. *Drevnii byt i mirovozzrenie osetinskogo naroda* [Ancient Life and Worldview of the Ossetian People]. Vladikavkaz, North Ossetian State University, 2009. 264 p. (in Ossetian).
18. *Osetinskie predaniya* [Ossetian legends]. Ordzhonikidze, Ir, 1989. 498 p. (in Ossetian).
19. *Nartovskie skazaniya. Ehpos osetinskogo naroda. V 7 t.* [The Nart Tales. The Epic of the Ossetian People. In 7 volumes] Vladikavkaz. Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie imeni V. Gassieva, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2003 – 2011 (in Ossetian).
20. Spengler, O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. V 2-kh t.* [The Decline of the West. Essays on the Morphology of World History. In 2 volumes]. T. 1. *Geshtal't i deistvitel'nost'* [Vol. 1. Gestalt and Reality]. Moscow, Mysl, 1993, 663 p.

The article was submitted 30.10.2025,
accepted for publication on 28.11.2025,
published 25.12.2025.